

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 15, Is. 3, pp. 156–167, 2015

DOI: 10.13187/rs.2015.15.156

www.ejournal15.com

Relevant Topic

UDC 94(470.47)

Three Stages of “Political Banditry” in the Territory of Kalmykia (1918–1927)

Utash B. Ochirov

Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation
8, Ilishkin Street, Elista
358000 Republic of Kalmykia
Dr (History), Associate Professor
E-mail: utash@elista.ru

Abstract

The article analyzes the peculiarities of the growth of so-called political banditry in the territory of Kalmykia in the period from 1918 to 1927. In the beginning of the paper, the author analyzes the validity of the term “political banditry” and comes to the conclusion that although this term is not ethically perfect, being marked by a negative connotation, another term to define the phenomenon is hard to find. Analyzing the development of “political banditry” in the territory of Kalmykia from 1918 to 1927, the author comes to the conclusion that the phenomenon appeared only since the beginning of the Civil war and has experienced three stages in its growth.

The first stage (1918 – beginning of 1919) was associated mostly with the Red Army and with banditry of some Red Army units arrived from other regions, which in terms of chaos and impunity during the first year of the Civil war went too far in not separating requisition and mobilization – lawful from the point of view of the Soviet government – from outright robbery and violence. Some of them were declared criminals by the Soviet power and destroyed by the Red Guards.

The second stage (1919–1920) is associated with the invasion of the White Guards in the Lower Volga region. Regular troops conducted their operations in the outskirts of Kalmykia, the steppe became an arena for action of small mobile groups, mostly White Guards or the people who considered themselves as such. A significant part of these units had an “insurgent band” origin, consisted of Kalmyks, dissatisfied with the Soviet government and was supported by the Whites, both materially and financially. However, in the second half of 1919, the Soviet government with considerable effort, managed to reverse the mood of the population in their favor. After the defeat of the White Army, a significant part of the “gang” laid down their arms in exchange for Amnesty and the insurgent movement in Kalmykia was destroyed.

The third stage (1921–1927) of “political banditry” in the territory of Kalmykia, as well as throughout Russia, belonged to the “green” movement, which could be joined either by White officers, or Red commanders. It was caused by the reaction of the population to the economic policy of the “war communism”, and then to the excesses of local authorities in carrying out of the NEP (the New Economic Policy), which were superimposed on the harsh conditions of the mass

famine of the early 1920s. After overcoming the crisis and the beginning of the growth of economic well-being of the Kalmyk settlements and communities, the strengthening of the Soviet-party apparatus and law enforcement agencies, the “insurgent band” stopped being supported internally, and by 1925 the “political gangsterism” was completely eliminated. The last remnants of the gangs were destroyed in 1927.

Keywords: history of Kalmykia, law enforcement authorities, Civil war, new economic policy, “political banditry”.

Введение

Явление «политического бандитизма» было крайне характерно для Гражданской войны. В некоторых трудах, посвященных истории «политического бандитизма» в 1920-е гг., это явление даже обозначалось термином «малая гражданская война» [1]. Разумеется, для освещения «политического бандитизма» периода 1918–1920 гг. этот термин не подходит. Не стоит забывать о том, что аналогичные акции проводились как до начала революции 1917 г. (например движение «лесных братьев» на территории Латвии в период первой русской революции или восстание под руководством А. Иманова и А. Джангильдина в Казахстане в период Первой мировой войны), так и после завершения «малой гражданской войны» 1920-х гг. (кулацкие восстания начала 1930-х гг. или «повстанчество» в горах Кавказа).

На территории Калмыкии «политический бандитизм» существовал в период с 1918 по 1927 гг. и никогда не анализировался комплексно, в целом. Как правило, «повстанчество» первой половины 1920-х гг. рассматривалось в отдельности от аналогичных процессов Гражданской войны [2]. Для советской историографии Калмыкии такого явления, как «красный политический бандитизм», не существовало вовсе, хотя в работах советских специалистов по данному периоду (например А.И. Наберухина) приводились сведения о бандах подобного рода [3].

Основной целью данной статьи является комплексное изучение «политического бандитизма», освещение его развития в контексте политических и военных событий периода Гражданской войны и НЭПа, разработка его периодизации и обоснование хронологических рамок, раскрытие тактики «политических банд» и особенностей их действий в условиях Калмыцкой степи.

Материалы и методы

Статья написана на основе различных источников, в том числе документов и материалов, хранящихся в фондах различных архивов: Российского государственного военного архива (далее – РГВА), Национального архива Республики Калмыкия (далее – НАРК), Научного архива Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (далее – НА КИГИ РАН). Кроме того, использовались воспоминания руководящих работников Калмыкии как из неопубликованных рукописей [4], так и опубликованных очерков или мемуаров [5–8]. История «политического бандитизма» в Калмыкии в 1918–1927 гг., как упоминалось выше, никогда не являлась предметом специального исследования историков, но ряд сведений об этом явлении был извлечен из работ специалистов по истории Калмыкии в указанный период и по истории «политического бандитизма» в других регионах России [9–11]. При проведении исследования применялись общенаучные (объективность, научность, историзм) принципы и специально-исторические (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный) методы. Например, в РГВА были найдены данные разведки 11-й армии о развитии «бандитизма» в Калмыкии и аналогичные сведения из трофейных коллекций в тот же период, что позволило сопоставить их и провести сравнительный анализ.

Обсуждение и результаты

В современной историографии термин «политический бандитизм» до сих пор не имеет устойчивого и точного определения, что свидетельствует как о сложности этого явления, так и о недостаточной его изученности. Некоторым авторам не нравится данный термин, поскольку слово «бандитизм» несет негативную окраску, чаще ассоциируется с криминалом, организованной преступностью, а не со специфической формой политической борьбы,

однако подобрать слово или словосочетание, более точно отражающее это явление, пока не удастся. Например, Е.Ф. Жупикова отмечала, что, «осознавая все несовершенство и историческую неточность термина “бандитизм”, несущего в себе однозначно негативную оценку... неправомерно “соединяющего” и уравнивающего их и тем самым значительно упрощающего сущность движения, отказаться от термина или “переименовать” его теперь вряд ли правомерно. Вероятно, следует употреблять его... не в оскорбительном значении слова, заключая термин в кавычки, или заменять его более нейтральным (тоже не безупречным) словом “повстанчество”» [12].

Однако термин «повстанчество» или производные от него следует признать и вовсе неудачными, поскольку они неточно отражают суть явления. Во-первых, «политические банды» могли комплектоваться не из местных жителей-повстанцев, а прибывать из других регионов и в некоторых случаях вообще не имели поддержки населения. Во-вторых, движения «повстанцев» в период Гражданской войны иногда перерастали стадию восстания и превращались в регулярные части, соединения и даже объединения, как это было, например, в восстании на Дону весной 1918 г., Ижевско-Воткинском восстании 1918 г., Вешенском восстании 1919 г. и т.д. [13]. Поэтому в данной статье мы будем использовать традиционный термин «политический бандитизм» и производные от него, беря их в кавычки. Термин «повстанчество», или «бандповстанчество», также взятый в кавычки, будет использоваться ограниченно и только по отношению к группам, состоявшим из местных жителей.

Под «политической бандой» понимается устойчивая автономная вооруженная группа людей, тесно связанных между собой политическими идеями и совершающих нападения или иные насильственные противоправные акты против государственных и общественных учреждений, групп людей (общин, сел) и отдельных лиц. Здесь следует учесть, что в условиях Гражданской войны акции, считающиеся противоправными одной из воюющих сторон, с точки зрения противоположной стороны были вполне законными, и таковые к «политическому бандитизму» относиться не должны. Кроме того, географические условия (широкие степные пространства, малая степень заселенности) обусловили активное использование тактики, схожей с действиями уголовных банд скотокрадов: стремительные и внезапные рейды небольших по численности мобильных групп кавалерии. К тому же от ударов «бандповстанцев» страдали в основном не войсковые части, а тыловые структуры и местные органы власти, в результате чего действия нападавших в значительной степени сводились к грабежам и захвату продуктов и имущества. Важно понимать, что в условиях хаоса и путаницы Гражданской войны регулярные войска, «политические банды» и уголовные банды могли использовать одни и те же методы и осуществлять идентичные акции, поэтому отделить «политический бандитизм» от действий уголовников или армии иногда бывает довольно сложно. Рассмотрим несколько примеров с территории Калмыкии.

Зимой 1918–1919 гг. белые разгромили на Северном Кавказе 150-тысячную 11-ю армию РККА. Остатки этого объединения, скопившиеся в районе Святого Креста и Кизляра (общей численностью примерно 25 тыс. человек), дойти до Астрахани могли только через территории Эркетеневского и Яндыко-Мочажного улусов. Ко всему прочему среди красноармейцев разразилась эпидемия тифа, и в условиях нехватки гужевого транспорта, вьючных животных, еды, перевязочных материалов и прочего они начали массовые реквизиции в калмыцких общинах, не особо следя за соблюдением законодательства (оплатой, выдачей расписок и т.д.). Войдя в раж, красноармейцы начали откровенно мародерствовать, совершать убийства и изнасилования. Председатель Эркетеневского улусного исполкома В.И. Елин докладывал, что после отступления 11-й армии: «Печальную и жуткую картину представляет теперь собою приморская часть улуса: по дорогам, озерам, берегам моря трупы людей, лошадей, поломанные повозки, обломки взорванных автомашин и ни одной живой души вокруг; бежали все, кто куда мог; степная часть улуса немногим лучше приморской, разве только тем, что здесь есть люди, обнищавшие до последней степени... теперь во всем улусе, в разных углах, едва ли наберется 2–3 помещения, хоть сколько-нибудь пригодных для жилья» [14]. Однако губернские власти не только не стали бороться с этой вакханалией, но и потребовали от местных калмыцких

властей предоставления дополнительных транспортных средств, животных и т.д., объясняя произошедшие эксцессы тяжелыми условиями военного времени.

Другой пример. Летом 1918 г. атаман Манычского улуса зайсанг Гаря Балзанов, бежавший в степь после провала Астраханского восстания в январе 1918 г. и находившийся на нелегальном положении, подымает мятеж и организует отряд «повстанцев», который совершал налеты на местные органы советской власти. Окруженный красноармейскими отрядами, отряд был вынужден покинуть свой улус и соединился с 3-й Кубанской казачьей дивизией, в состав которой его включили как регулярную часть – Манычский калмыцкий полк [15]. Однако в отличие от кубанских частей, имевших какую-то поддержку от родных станиц, этот полк имел самое минимальное снабжение и был вынужден добывать пропитание себе и своим лошадям тотальными «реквизициями» у местных крестьян [16]. Однако командование белых также оправдывало эти грабежи условиями военного времени. В 1919 г. Манычский полк есаула Балзанова вернулся в родной улус, пополнился и выделил из своего состава два полка (3-й и 4-й Манычские калмыцкие) для Астраханской казачьей дивизии. Оставшиеся силы использовались как мобильный отряд казачьей администрации Манычского улуса, который боролся с налетами красных партизан. Однако с точки зрения красных, например разведотдела 11-й армии РККА, этот отряд именовался «бандой ротмистра Бальзамова» [17].

Третий пример. В начале 1919 г. в Нижнем Поволжье был сформирован партизанский отряд РККА под командованием Д.П. Жлобы – бывшего командира Стальной дивизии, расформированной после беспримерного 400-верстного рейда по тылам белых. Кавалеристы раскассированного соединения, узнав о назначении своего бывшего начдива, массово дезертировали из кавбригады О.И. Городовикова (входившей в кавдивизию Б.М. Думенко) и перебежали к своему «батюшке Жлобе» [18]. «Вождизм» и «партизанщина» в то время были распространенными явлениями, и за этот акт дезертиры наказания не понесли. Партизанский отряд совершал рейды в тылы белых через территорию Калмыкии (в Арзгир, Сальский округ), причем в условиях отсутствия своего тыла находился на «подножном корму», т.е. жил за счет грабежей местного населения. Летом 1919 г. отряд Жлобы был развернут в 1-ю Партизанскую кавбригаду Конно-сводного корпуса Думенко, которая в марте 1920 г. при взятии Екатеринодара «отличилась» резней гражданских калмыков, бежавших к морю из Сальского округа и Манычского улуса. После этого командование РККА развернуло бригаду в 20-ю кавдивизию. Лишь летом 1920 г., когда это соединение понесло большие потери в боях с Врангелем и проявило неустойчивость, по приказу Оки Городовикова 20-я кавдивизия была расформирована и обращена на пополнение других соединений 2-й Конной армии. Как видно, советское руководство списало на условия революционного времени даже акты дезертирства и откровенного этноцида, осуществленного по национальному принципу (вернее по расовому, фенотипическому).

Исходя из вышеизложенного, «политическим бандитизмом» в данной статье считаются противоправные действия лишь тех групп, которые не были санкционированы военным или гражданским руководством белых и красных. При этом «политические банды» от откровенно уголовных, которых на территории Калмыкии в те годы побывало немало, отличались тем, что обосновывали свою деятельность политическими мотивами. Однако политический спектр этих групп не был однозначно двуцветным. Наряду с красными и белыми «политическими бандами» в Калмыцкой степи действовали «зеленые банды» или отряды, сочетающие разные «цвета» (бело-зеленые или красно-зеленые). Были даже «политические банды», созданные белогвардейскими офицерами, а затем перешедшие под контроль бывших красноармейцев, но продолжающие борьбу с советской властью. В связи с этим интересно отметить характеристику спектра «политического бандитизма» на Северном Кавказе, данную Н.В. Вороновичем – одним из лидеров «зеленого движения» в этом макрорегионе. Он делил повстанцев на три группы: 1) подлинные «зеленые» из местных жителей (крестьян и казаков); 2) «махровые» или «шкуринцы», заброшенные извне и руководимые врангелевцами; 3) «бандиты» из числа красноармейцев-дезертиров и деклассированных элементов [19]. Нечто подобное, но со своей спецификой мы можем зафиксировать и на территории Калмыкии в период 1918–1927 гг. Проанализировав процесс развития «политического бандитизма» на территории Калмыкии

в указанный период, мы можем вычлени́ть три периода, в каждом из которых преваляровала одна из «красок» указанного спектра.

- 1) 1918–1919 гг. – красные «политические банды»;
- 2) 1919–1920 гг. – белые «политические банды»;
- 3) 1921–1927 гг. – зеленые «политические банды».

До революции 1917 г. на территории Калмыкии «политические банды» отсутствовали, имелось несколько малочисленных уголовных банд, занимавшихся в основном скотокрадством. Географические условия (широкие степи, малая плотность населения) давали возможность малочисленным бандам укрыться, но в то же время препятствовали увеличению их численности. Кроме того, власти еще с конца XIX в. ввели запрет на хранение огнестрельного оружия у калмыков [20], что, с одной стороны, ограничивало возможности усиления боеспособности и огневой мощи банд, с другой стороны, оставило законопослушное население безоружным перед бандитами. Впрочем, численность банд была невелика, и органы местной власти успешно противостояли им силами улусной полицейской стражи.

С началом революции 1917 г. ситуация изменилась коренным образом. Улусные зарго и полицейская стража оказались распущены. Вместо последней предполагалось создать улусную народную милицию, однако средств на ее обучение и вооружение не дали. Председатель ЦИК по управлению калмыцким народом Б.Э. Криштафович обращался в Петроград с просьбой о выделении на 200 милиционеров 150 маузеров и 75 наганов с патронами (по 200 штук на ствол) и даже нашел где-то средства на оплату, но поддержки не получил [21]. Криминогенность в Калмыцкой степи начала возрастать. В селах Калмыкии появились большие группы вооруженных дезертиров, которые частично начали собираться в никому не подчиняющиеся отряды самообороны. При этом некоторые группы дезертиров мало заботились о соблюдении законности, и провести грань между отрядами самообороны и уголовными бандами было весьма затруднительно. Во многом благодаря этому летом 1917 г. в ЦИК по управлению калмыцким народом победу одержали сторонники оказывавания калмыков [22]. Улусные атаманы начали активно формировать казачьи сотни из калмыков и изыскивать оружие для них в основном за счет покупки у дезертиров. Например, за 200 рублей «николаевскими» или три овцы давали карабин. Манычский атаман Г.Д. Балзанов вспоминал, что ему удалось даже выменять на пару годовалых бычков пулемет системы Кольта [23].

По мере нарастания гражданского противостояния отряды самообороны начинают втягиваться в боевые столкновения друг с другом, причем географические условия степи обусловили активное применение партизанской тактики. В степи начинают действовать отряды, руководствующиеся в своей деятельности политическими мотивами. Кульминацией противостояния стал Астраханский казачий мятеж 12–24 января 1918 г. В Калмыкии установилась советская власть, но народная милиция в 1918 г. так и не была сформирована. Мало того, некоторые красногвардейские отряды, присланные в улусы для восстановления законности и порядка, сами начали скатываться к бандитизму. Так, в июле 1918 г. в северные улусы Калмыкии «для раскрытия контрреволюции, организации всеобщего обучения и агитации» был направлен отряд члена Астраханской краевой коллегии Льва Татищева. Практически сразу отряд занялся массовыми грабежами, вымогательствами, изнасилованиями и убийствами. Среди погибших оказался багши Дунду-хурула – одного из наиболее известных в Калмыкии, что возмутило верующих калмыков. Базируясь в имении Б. Талтаева, Л. Татищев при помощи местных уголовников организовал кампанию по арестам богачей, у которых пытками вымогали золото и ценности. После Малодербетовского улуса отряд выдвинулся к Багацохуровскому улусу, «в панике разбегавшемуся перед ним». На его перехват пришлось выслать отряд Павла Бочкарева, который арестовал грабителей. Татищева осудили и расстреляли [24–25]. Однако вскоре поступили донесения о том, что сам Бочкарев проводит обыски, ведет «поиски золота в Калмыцкой степи» [26].

Ряд других красногвардейских отрядов, присылаемых в улусы с целью реквизиций или мобилизаций, также действовал методами, которые мало отличались от грабежей. Например, в августе 1918 г. Яндыко-Мочажный улусный исполком сообщил, что городофорпостинские красноармейцы производят обыски в Батутовском аймаке, «отбирают

деньги вплоть до 20 рублей и меньше», отмечены «прямые грабежи» (т.е. уже не замаскированные под реквизицию). Один из руководителей Яндыко-Мочажного исполкома врач С.-Г. Хадылов в те дни писал: «...планомерная работа <...> Советской власти нарушена постоянными набегами вооруженных банд, совершающих ограбление с массовыми убийствами мирных жителей, а также агитацией среди темной массы, что грабежи и убийства производятся красноармейцами. <...> Жизнь бедного калмыка положительно замерла, они боятся выезжать на коренной свой заработок – рыбный лов. <...> Ночуют постоянно в камышах, простуживаются и болеют целыми поселками» [27].

Председатель Икицохуровского улусного исполкома сообщил, «что улус является объектом произвола, насилия и грабежей со стороны отрядов красноармейцев или под видом их разных банд» Краснощекова (из Доно-Ставропольской дивизии Григория Колпакова), Артема Река (из войск Степного фронта), Гальковича (из Ставрополя), Садыкова (из Астрахани). Однако больше всего терроризировал улус Арнольд Большой, который, мобилизовав калмыков 11 возрастов без санкции Астраханского губвоенкомата, стал накладывать на общины контрибуции в 10 тыс. руб., реквизировать лошадей, захватывать заложников, избивать людей. Телеграмму от РВС Северо-Кавказского военного округа (в который тогда входили, помимо прочих, И.В. Сталин и К.Е. Ворошилов) с требованием прекращения «мобилизации» он проигнорировал [28]. Позже секретарь Калмыцкого исполкома Ф.И. Плюнов с ужасом вспоминал: «Предоставленная сама себе Калмыцкая степь являлась объектом произвола, личного усмотрения, внимания разного рода проходимцев и преступников» [29]. Ситуацию осложнили и уголовные банды, в том числе прибывающие из-за пределов Калмыкии. Так, Эркетеневский улус только за октябрь 1918 г. потерял из-за их набегов имущества и скота на 200 тыс. руб. В бандах, производивших грабежи, было от 25 до 75 человек (караногайцы, черкесы, русские). На 2-м съезде Советов калмыцкого народа вопрос о формировании народной милиции был формально решен [30], но реализовать это решение не удалось.

В мае – июне 1919 г. на территорию Калмыкии вторглись деникинцы, занявшие почти все улусы. Основную роль при этом играли повстанческие отряды, которые стали возникать по всей степи. Этот период можно считать началом второго этапа «политического бандитизма». Некоторые из них выделялись из состава частей Белой армии (например Манычского полка Гаря Балзанова), другие формировались самостоятельно, при финансовой и материальной помощи белых. Так, в поселке Дика Яндыко-Мочажного улуса богач Б.Т. Бюбеев во время торжественной встречи генерала Д.П. Драценко получил 40 винтовок для нового отряда [31]. За короткий период почти вся территория Калмыкии оказалась занята белогвардейскими войсками и вновь сформированными отрядами. На территорию Манычского улуса вернулся Гаря Балзанов, который начал формировать новые части. Малодербетовский и Багацохуровский улусы контролировались отрядами Малодербетовского атамана Ордаша Босхомджиева. По оценке разведчиков 11-й армии РККА, общая численность этих отрядов в октябре 1919 г. достигла 1500 сабель при 7 пулеметах и 1 пушке. Наиболее крупным и активным отрядом был отряд Дорджи Онкорова. В центре Калмыцкой степи, в Икицохуровском и Харахусовском улусах, действовала группа отрядов под общим командованием помощника астраханского атамана по калмыцкой части Сереб-Джаба Тюменя [32–33]. Эти отряды не имели устойчивой структуры, их численность постоянно менялась в зависимости от поставленных задач и наличия материальных и людских ресурсов. Большинство калмыков не имели боевой подготовки, были плохо вооружены и одеты, почти не имели обуви, хотя некоторые из них имели пулеметы и 3-дюймовые орудия [34–35].

Во второй половине 1919 г. политика советской власти по отношению к калмыкам заметно изменилась. Советские и партийные работники признали, что они «на Калмыцкую степь обращали мало внимания и, возможно, только поэтому белогвардейцы так легко ее заняли» [36]. В течение нескольких месяцев Совнарком РСФСР предпринял ряд шагов, направленных на то, чтобы переломить ситуацию. Вышли «Воззвание к трудовому калмыцкому народу» В.И. Ленина от 22 июля 1919 г., декреты от 24 июля и 15 октября 1919 г. по защите экономики калмыцкого народа [37]. Были предприняты серьезные шаги по усилению агитационной работы в улусах, занятых белогвардейцами. Начала работать калмыцкая народная милиция под руководством Мухары Мунянова. Все эти меры в итоге

привели к тому, что настроения в Калмыцкой степи стали меняться в пользу советской власти. Во время отступления Кавказской армии в Малодербетовском улусе появились повстанческие отряды, атаковавшие белогвардейцев [38]. В результате многие из казаков и калмыков сдались в обмен на обещанную амнистию.

Однако некоторые белокалмыцкие отряды продолжили борьбу, и зимой 1919–1920 гг. «политический бандитизм» в Калмыцкой степи достиг своего пика. Отряды братьев Окона и Манджи Шануновых (северные улусы), братьев Хойче, Шургучи, Сангаджи и Санзыра Менгетеевых (центральные улусы), Бовы Тегусова, Очира Багальданова (восточные улусы), Джалга Улюмджиева, Шара Нохаева, Кости Бондаренко (приморские улусы) и др. буквально терроризировали местные Советы. «Эти банды великолепно знали условия жизни своих сородичей, <...> располагали замечательно точными и верными сведениями о движениях и намерениях тех отрядов, которые оперировали против них. Они имели органическую связь с населением благодаря присутствию среди него <...> своих родственников, сочувствующих и подкупленных ими лиц» [39]. При этом «политические банды» могли достигать значимых успехов. Например, в конце 1919 г. отряд Бовы Тегусова в упорном и продолжительном бою разгромил Хошеутовскую улусную сотню, среди погибших оказались улусный военком Камышев и двое членов улусного исполкома. Представитель КалмЦИКа Вадим Мергасов попал в плен и был казнен. Через несколько месяцев «шайка» Тегусова была разбита отрядом Кюкя Эльдеева, который вскоре погиб во время налета на Лагань «банды» Сычева (400–500 сабель при 8–10 пулеметах) [40–41]. Для борьбы с «политическим бандитизмом» стали брать заложников, активно формировать новые улусные сотни и отряды. В конце концов почти все «банды» либо были уничтожены, либо распались, сдавшись по амнистии [42–43].

Однако в конце 1920 – начале 1921 гг. в Калмыкии отмечается новая волна «политического бандитизма», связанная с реакцией населения на экономическую политику военного коммунизма. Эту волну мы можем классифицировать как начало третьего этапа. Социально-экономическую ситуацию серьезно обострил голод в Поволжье. И калмыки-скотоводы, и русские земледельцы, почти дотла разоренные конфискаторами Гражданской войны, в условиях голода начала 1920-х гг. не смогли улучшить свое благосостояние. Продразверстка и даже продналог, введенный в рамках НЭПа, для них оказались неподъемным грузом. Неудивительно, что в улусах вновь активизировалось «повстанчество». Следует заметить, что «политические банды» этого этапа, в отличие от предыдущих, в значительной степени состояли из представителей разных национальностей.

«Зеленое» движение активно развивалось и в соседних регионах, поэтому «бандповстанцы» могли прибывать в Калмыкию из Ставропольской губернии, Донской области и даже с Украины. Список отрядов «зеленых», длительное время действовавших на территории Калмыкии («банды», проходившие транзитом, здесь не учтены), приводится ниже.

Таблица 1

«Политические банды» в Калмыкии в 1921–1927 гг.

<i>Лидер</i>	<i>Время создания</i>	<i>Район действия</i>	<i>Примечание</i>
Дараган	август 1920 г.	южные улусы	сдалась в июне 1922 г.
Маслаков Г.	конец 1920 г.	западные улусы	разгромлена в июле 1921 г.
Шануновы	начало 1921 г.	северные улусы	разгромлена в начале 1922 г.
Московченко	конец 1922 г.	Ремонтненский улус	разгромлена в 1923 г.
Черномазов	прибыла из Ставропольской губернии		нет данных
Леляев Л.	начало 1923 г.	Манычский улус	сдалась добровольно
Очаев О.	начало 1923 г.	вся область	разгромлена в 1927 г.
Андрианов	апрель 1923 г.	западные улусы	разгромлена в мае 1923 г.
Цекиров Д.	весна 1924 г.	приволжские улусы	разгромлена в 1925 г.
Амхаев			сдалась весной 1925 г.
Басангов К.	март 1925 г.	восточные улусы	разгромлена в 1926 г.

Следует отметить, что среди зеленых встречались как бывшие красные командиры, так и белые офицеры. Например, самой крупной «политической бандой» этого периода являлся отряд Г. Маслакова – бывшего комбрига 1-й Конной армии, заместителя Б.М. Думенко и С.М. Буденного, кавалера двух орденов Красного Знамени. Сам отряд возник в начале 1921 г. после мятежа 19-го кавполка 4-й кавдивизии на территории Таврии. После этого «банда Маслака» прорвалась к Дону, наладив по пути сотрудничество с Махно, а оттуда перешла в Калмыкию, где захватила Элисту, расстреляв большую группу сотрудников и чиновников. Бои с этим сильным отрядом, вооруженным пулеметами, для властей Советской Калмыкии и Ростовской области представляли серьезную проблему. В конце концов, при помощи отряда 80-й бригады Московченко в июле 1921 г. «банду Маслака» разгромили, но вскоре «бандитом» стал и сам Московченко. Ряд банд был составлен бывшими белогвардейцами, например, братьями Шануновыми и Менгетеевыми, которые в конце 1920 г. сложили оружие в обмен на амнистию, но после первых реквизиций в рамках военного коммунизма вновь взялись за оружие.

Были банды, пережившие в своем развитии эволюцию. Например, в августе 1920 г. белогвардейские есаулы Бочалов и Степанченко сформировали в Оргакиновском аймаке отряд, но позже ее возглавил буденновец И.М. Дараган, кавалер ордена Красного Знамени. В июне 1922 г., действуя в районе села Янушевского, они захватили в плен одного из лидеров Советской Калмыкии А.М. Амур-Санана. Антон Мудренович оказался на грани гибели, но, сконцентрировав свою волю и проявив блестящие ораторские способности, он стал уговаривать «зеленых» сдать под амнистию ВЦИК. Дараган, не доверяя ему, все же послал гонцов. Большую помощь оказал и командарм 1-й Конной С.М. Буденный, хорошо помнивший Дарагана по прежней службе и потребовавший от местных властей обязательно сохранить своему соратнику жизнь. В конечном итоге ВЦИК по просьбе калмыцких властей и Буденного амнистировал всю банду в 75 человек, что способствовало в какой-то мере стабилизации ситуации [44].

В конце 1922 г. – начале 1923 г. была отмечена новая вспышка «политического бандитизма», связанного с перегибами при расчете продналога на местах (рассчитывали по максимально возможным значениям, что для разоренных войной сельчан было непосильным бременем). Однако в 1925 г., когда НЭП стал давать первые плоды и благосостояние жителей Калмыкии начало расти, «бандповстанчество» пошло на спад. Некоторым «бандам» удалось пережить начало индустриализации, но в 1927 г. был разгромлен даже отряд неуловимого Озона Очаева, ставший последней «бандой» на территории Калмыкии постреволюционного периода.

Выводы

Анализируя процесс развития «политического бандитизма» на территории Калмыкии в 1918–1927 гг., автор приходит к выводу, что это явление возникло здесь лишь с началом Гражданской войны и в своем развитии пережило три этапа.

Первый этап (1918 – начало 1919 гг.) в значительной степени ассоциировался с красными и был связан с бандитизмом некоторых красноармейских отрядов, прибывших из других регионов и в условиях хаоса и безнаказанности первого года Гражданской войны перешедших грань, отделяющую законные с точки зрения советской власти реквизиции и мобилизации от откровенных грабежей и насилия. Некоторые из них советской властью были объявлены «политическими бандами» и разгромлены другими красновардейцами.

Второй этап (1919–1920 гг.) связан с вторжением белых в Нижнее Поволжье. Регулярные войска вели свои операции на окраинах Калмыкии, а сама степь стала ареной для действий маленьких мобильных отрядов, большей частью белогвардейских или считавших себя таковыми. Значительная часть этих отрядов имела «бандповстанческое» происхождение, состояла из калмыков, недовольных советской властью, и поддерживалась белыми как материально, так и финансово. Однако во второй половине 1919 г. советская власть, приложив значительные усилия, сумела переломить настроения населения в свою пользу. После поражения Белой армии значительная часть «банд» сложила оружие в обмен на амнистию, а само «бандповстанческое» движение в Калмыкии было разгромлено.

Третий этап (1921–1927 гг.) «политического бандитизма» на территории Калмыкии, как и во всей России, относился к «зеленому» движению, в состав которого могли входить как белые офицеры, так и красные командиры. Он был вызван реакцией населения сначала на экономическую политику военного коммунизма, а затем на перегибы местных властей при проведении НЭПа, которые наложились на тяжелые условия массового голода начала 1920-х гг. После преодоления кризиса и с началом роста экономического благосостояния калмыцких поселений и общин, укрепления советско-партийного аппарата и правоохранительных органов на местах внутренняя подпитка «бандповстанцев» прекратилась и к 1925 г. «политический бандитизм» был ликвидирован. Остатки последних банд были уничтожены в 1927 г.

Примечания:

1. Жупикова Е.Ф. Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920-1925 годах // Академия исторических наук. Сборник трудов. Т. 1. М.: Академия исторических наук, 2007. С. 115.
2. Бадмаева Е.Н. О деятельности различных формирований по борьбе с советской властью и участия в них крестьянства в Калмыкии в 1921–1924 гг. // Вестник КИГИ РАН. Вып. 18. Элиста: АПП «Джангар», 2003. С. 156–164.
3. Иванько Н.И., Наберухин А.И., Орехов И.И. Великий Октябрь и Гражданская война в Калмыкии. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1968. 148 с.
4. НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 3. Д. 13.
5. Борисов Т. Калмыкия. Историко-политический и социально-экономический очерк. М.–Л.: Госиздат, 1926. 97 с.
6. Глухов И.К. Очерки по истории революционного движения в Калмыкии. Астрахань: Калмиздат, 1927. 113 с.
7. Амур-Санан А.М. Мудрешкин сын. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1979. 447 с.
8. Маслов А.Г. Страницы былого. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1962. 156 с.
9. Борисенко И.В., Горяев А.Т. Очерки истории калмыцкой эмиграции. Элиста: АПП «Джангар», 1998. 234 с.
10. Жупикова Е.Ф. Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 годах...
11. Иванько Н.И., Наберухин А.И., Орехов И.И. Великий Октябрь и Гражданская война в Калмыкии...
12. Жупикова Е.Ф. О численности повстанческих сил Северного Кавказа в 1920–1925 гг. // Белая гвардия. Альманах. № 6. Антибольшевизмское повстанческое движение. М.: Посев, 2002. С. 177.
13. Волков С.В. Белое движение. Энциклопедия Гражданской войны. СПб.: Издательский дом «Нева»; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. С. 171, 222 и др.
14. НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 3. Д. 13. Л. 174–174об.
15. ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 238. Л. 350б–36.
16. Елисеев Ф.И. С Корниловским конным. М.: Астрель, 2003. С. 483.
17. РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 895. Л. 7.
18. Очиров У.Б. От казака (рядового) до генерал-полковника: военная биография О.И. Городовикова // Вестник КИГИ РАН. 2014. № 3. С. 42–43.
19. Воронович Н. Зеленые (На Северном Кавказе в 1921 году) // Последние новости (Париж). 1922 г. 25 января. № 545.
20. ГАРФ. Ф. Р-102. Д-2. Оп. 54. Д. 15. Ч. 11. Л. 1.
21. НАРК. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 4. Л. 5.
22. Очиров У.Б. Калмыкия в период Гражданской войны (1917–1920 гг.). Элиста: ЗАОр НПП «Джангар», 2006. С. 163–180.
23. ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 238. Л. 3.
24. Маслов А.Г. Страницы былого... С. 62.
25. НАРК. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 17. Л. 66.
26. Иванько Н.И., Наберухин А.И., Орехов И.И. Великий Октябрь и Гражданская война в Калмыкии... С. 83.
27. НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 3. Д. 13. Л. 96.
28. НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 3. Д. 13. Л. 90.
29. НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 3. Д. 13. Л. 87.
30. НАРК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 8. Л. 21.
31. Борисенко И.В., Горяев А.Т. Очерки истории калмыцкой эмиграции... С. 29.
32. НАРК. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 82. Л. 42, 110–111.
33. РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 895. Л. 4–7, 11, 240б.
34. НАРК. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 82. Л. 131.

35. РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 895. Л. 4об.
36. НАРК. Ф. Р-24. Оп. 2. Д. 44. Л. 7.
37. К истории образования Автономной области калмыцкого народа: сб. документов и материалов. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1960. С. 60–63.
38. Маслов А.Г. Страницы былого... С. 87.
39. Борисов Т. Калмыкия... С. 87.
40. Глухов И.К. Очерки по истории революционного движения в Калмыкии... С. 42.
41. Маслов А.Г. Страницы былого... С. 122–124.
42. Глухов И.К. Очерки по истории революционного движения в Калмыкии... С. 42.
43. Борисов Т. Калмыкия... С. 18–19.
44. Амур-Санан А.М. Мудрешкин сын... С. 229–240.

References:

1. Zhupikova E.F. Povstancheskoe dvizhenie na Severnom Kavkaze v 1920-1925 godakh // Akademiya istoricheskikh nauk. Sbornik trudov. T. 1. M.: Akademiya istoricheskikh nauk, 2007. S. 115.
2. Badmaeva E.N. O deyatelnosti razlichnykh formirovaniy po borbe s sovetskoj vlastyu i uchastii v nikh krestyanstva v Kalmykii v 1921–1924 gg. // Vestnik KIGI RAN. Vyp. 18. Elista: APP “Dzhangar”, 2003. S. 156–164.
3. Ivanko N.I., Naberukhin A.I., Orekhov I.I. Velikiy Oktyabr i Grazhdanskaya voyna v Kalmykii. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatelstvo, 1968. 148 s.
4. NA KIGI RAN. F. 4. Op. 3. D. 13.
5. Borisov T. Kalmykiya. Istoriko-politicheskiy i sotsialno-ekonomicheskij ocherk. M.–L.: Gosizdat, 1926. 97 s.
6. Glukhov I.K. Ocherki po istorii revolyutsionnogo dvizheniya v Kalmykii. Astrakhan: Kalmizdat, 1927. 113 s.
7. Amur-Sanan A.M. Mudreshkin syn. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatelstvo, 1979. 447 s.
8. Maslov A.G. Stranitsy bylogo. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatelstvo, 1962. 156 s.
9. Borisenko I.V., Goryaev A.T. Ocherki istorii kalmytskoj emigratsii. Elista: APP “Dzhangar”, 1998. 234 s.
10. Zhupikova E.F. Povstancheskoe dvizhenie na Severnom Kavkaze v 1920–1925 godakh...
11. Ivanko N.I., Naberukhin A.I., Orekhov I.I. Velikiy Oktyabr i Grazhdanskaya voyna v Kalmykii...
12. Zhupikova E.F. O chislennosti povstancheskikh sil Severnogo Kavkaza v 1920–1925 gg. // Belaya gvardiya. Almanakh. № 6. Antibolshevitskoe povstancheskoe dvizhenie. M.: Posev, 2002. S. 177.
13. Volkov S.V. Beloe dvizhenie. Entsiklopediya Grazhdanskoy voyny. SPb.: Izdatelskiy dom “Neva”; M.: OLMA-PRESS, 2003. S. 171, 222 i dr.
14. NA KIGI RAN. F. 4. Op. 3. D. 13. L. 174–174ob.
15. GARF. F. R-5881. Op. 2. D. 238. L. 35ob–36.
16. Eliseev F.I. S Kornilovskim konnym. M.: Astrel, 2003. S. 483.
17. РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 895. Л. 7.
18. Ochirov U.B. Ot kazaka (ryadovogo) do general-polkovnika: voennaya biografiya O.I. Gorodovikova // Vestnik KIGI RAN. 2014. № 3. S. 42–43.
19. Voronovich N. Zelenye (Na Severnom Kavkaze v 1921 godu) // Poslednie novosti (Parizh). 1922 g. 25 yanvarya. № 545.
20. GARF. F. R-102. D-2. Op. 54. D. 15. Ch. 11. L. 1.
21. НАРК. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 4. Л. 5.
22. Ochirov U.B. Kalmykiya v period Grazhdanskoy voyny (1917–1920 gg.). Elista: ZAO r NPP “Dzhangar”, 2006. S. 163–180.
23. GARF. F. R-5881. Op. 2. D. 238. L. 3.
24. Maslov A.G. Stranitsy bylogo... S. 62.
25. НАРК. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 17. Л. 66.
26. Ivanko N.I., Naberukhin A.I., Orekhov I.I. Velikiy Oktyabr i Grazhdanskaya voyna v Kalmykii... S. 83.
27. NA KIGI RAN. F. 4. Op. 3. D. 13. L. 96.
28. NA KIGI RAN. F. 4. Op. 3. D. 13. L. 90.
29. NA KIGI RAN. F. 4. Op. 3. D. 13. L. 87.
30. НАРК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 8. Л. 21.
31. Borisenko I.V., Goryaev A.T. Ocherki istorii kalmytskoj emigratsii... S. 29.
32. НАРК. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 82. Л. 42, 110–111.
33. РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 895. Л. 4–7, 11, 24ob.
34. НАРК. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 82. Л. 131.
35. РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 895. Л. 4ob.

36. NARK. F. R-24. Op. 2. D. 44. L. 7.
37. К истории образования Автономной области калмыцкого народа: сб. документов и материалов. Елиста: Калмыцкое книжное издательство, 1960. С. 60–63.
38. Maslov A.G. Stranitsy bylogo... S. 87.
39. Borisov T. Kalmykiya... S. 87.
40. Glukhov I.K. Ocherki po istorii revolyutsionnogo dvizheniya v Kalmykii... S. 42.
41. Maslov A.G. Stranitsy bylogo... S. 122–124.
42. Glukhov I.K. Ocherki po istorii revolyutsionnogo dvizheniya v Kalmykii... S. 42.
43. Borisov T. Kalmykiya... S. 18–19.
44. Amur-Sanan A.M. Mudreshkin syn... S. 229–240.

УДК 94(470.47)

Три этапа «политического бандитизма» на территории Калмыкии (1918–1927 гг.)

Уташ Борисович Очиров

Калмыцкий институт гуманитарных исследований
Российской академии наук, Российская Федерация
358000, Республика Калмыкия, Элиста, улица Илишкина, 8
Доктор исторических наук, доцент
E-mail: utash@elista.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей развития «политического бандитизма» на территории Калмыкии в период с 1918 по 1927 гг.

В начале статьи автор анализирует правомерность использования термина «политический бандитизм» и приходит к выводу, что хотя данный термин этически не совершенен, поскольку изначально несет в себе негативную окраску, однако иной термин для определения изучаемого явления подобрать невозможно.

Анализируя процесс развития «политического бандитизма» на территории Калмыкии в 1918–1927 гг., автор приходит к выводу, что это явление возникло здесь лишь с началом Гражданской войны и в своем развитии пережило три этапа.

Первый этап (1918 – начало 1919 гг.) в значительной степени ассоциировался с красными и был связан с бандитизмом некоторых красноармейских отрядов, прибывших из других регионов и в условиях хаоса и безнаказанности первого года Гражданской войны перешедших грань, отделяющую законные с точки зрения советской власти реквизиции и мобилизации от откровенных грабежей и насилия. Некоторые из них советской властью были объявлены «бандитами» и разгромлены другими красногвардейцами.

Второй этап (1919–1920 гг.) связан с вторжением белых в Нижнее Поволжье. Регулярные войска вели свои операции на окраинах Калмыкии, а сама степь стала ареной для действий маленьких мобильных отрядов, большей частью белогвардейских или считавших себя таковыми. Значительная часть этих отрядов имела «бандповстанческое» происхождение, состояла из калмыков, недовольных советской властью, и поддерживалась белыми, как материально, так и финансово. Однако во второй половине 1919 г. советская власть, приложив значительные усилия, сумела переломить настроения населения в свою пользу. После поражения белой армии значительная часть «банд» сложила оружие в обмен на амнистию, а само «бандповстанческое» движение в Калмыкии было разгромлено.

Третий этап (1921–1927 гг.) «политического бандитизма» на территории Калмыкии, как и во всей России, характеризовался деятельностью «зеленого» движения, в состав которого могли входить как белые офицеры, так и красные командиры. Он был вызван реакцией населения сначала на экономическую политику военного коммунизма, а затем на перегибы местных властей при проведении НЭПа, которые наложились на тяжелые условия массового голода начала 1920-х гг. После преодоления кризиса и с началом роста

экономического благосостояния калмыцких поселений и общин, укрепления советско-партийного аппарата и правоохранительных органов на местах внутренняя подпитка «бандповстанцев» прекратилась и к 1925 г. «политический бандитизм» был ликвидирован. Остатки последних банд были уничтожены в 1927 г.

Ключевые слова: история Калмыкии, правоохранительные органы, Гражданская война, НЭП, «политический бандитизм».